

хвалится: «я-то досталъ, я-то досталъ.» Тѣ двѣ царскія дочери согласились идти за купеческихъ дѣтей. А Бѣлому досталось жениться на младшей. Она и не хотѣла за него идти. Она и говоритъ: заказать намъ троемъ кольца, чтобы безъ мѣрки въ пору были. Они стали заказывать; никто не берется. И этотъ мастеръ, у котораго нанялся Иванъ Вечерней Зори, отказался. Иванъ Вечерней Зори и говоритъ ему: я говорить, сдѣлаю.—Тотъ и взялся.—Хозяинъ и спрашиваетъ: что-жъ ты кольца-то не дѣлаешь?—«Я, говорить, ихъ еще сдѣлаю.» Приходитъ время кольца несть. Хозяинъ говоритъ: Готовы?—«Готовы!»—Принесли: всѣмъ тремъ сестрамъ въ пору. Кто, говорятъ, дѣлалъ?—Я, говорить.—Опять дѣло пропало. Насталъ день свадьбы. Тѣ братья вѣнчаются; а младшая стала деньгами обдѣлывать нищихъ. Иванъ Вечерней Зори, русскій богатырь, и подходитъ, руку подставилъ. Вдругъ она увидала перстень на рукѣ. «Вотъ говоритъ, мой настоящий супругъ.» Съ нимъ и обвѣнчалась. А этого Бѣлаго богатыря съ головой въ пивной котелъ; выбрали лошадь, привязали его къ хвосту и пустили въ чистое поле; всю ему голову разбили. Я тамъ былъ, медъ-шиво пилъ; по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Записана мной отъ уроженца Рязанской губ. с. Плуталова).

82.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Жилъ былъ царь; у него была жена и пошла она въ садъ гулять. Гдѣ ни взялся вѣтеръ; въ вѣтрѣ былъ вихорь-птица; подхватилъ ее вихорь и унесъ съ собой. У царя осталось послѣ нее три сына. Выросли они большіе и стали спрашивать отца про свою мать. «Гдѣ, говорятъ, наша мать? Если умерла, могилу укажите; если жива, скажите, гдѣ намъ ее найдти. Онъ имъ и сказываетъ: я и самъ

не знаю, гдѣ ваша мать; ее вихорь унесъ.—«Когда, говорятъ, ее вихорь унесъ и она жива, то благословите насъ; мы поѣдемъ свою мать разыскивать.» Самый старшій изъ нихъ—Иванъ царевичъ; средній Дмитрій царевичъ, младшій Василій царевичъ. Вотъ они и поѣхали свою мать искать.

Приѣхали къ такой горѣ: ни взойти, ни взлѣзть на эту гору: ни строенья, ничего нѣту; только одна гора. Вотъ Василій царевичъ въ нѣсколько дней влѣзъ на эту гору; и кричитъ оттуда братьямъ, что на этой горѣ ничего не видать. Взялъ подумалъ, на всѣ четыре стороны поклонился и пошелъ. Шелъ, шелъ, пришелъ довольно поздно и видитъ: стоитъ домъ. У этого дома стоятъ шесть львовъ привязанныхъ; у львовъ стоитъ корыто; на корытѣ ведро. Онъ взялъ это ведро, сходилъ, принесъ воды этимъ лъвамъ; налилъ въ корыто. Они его и пропустили. Онъ взошелъ въ домъ, въ комнату. Въ комнатѣ сидитъ дѣвушка, прекрасная. И эта дѣвушка очень на него вскричала: «что русскимъ духомъ пахнетъ? Кто смѣлъ войти въ мою комнату?» Глянула на него. «Ахъ, говоритъ, добрый молодецъ, волею или неволею?» Онъ ей отвѣчаетъ: волею, говоритъ, своей охотою. Вотъ у насъ унесъ вихорь мать.—Она ему говоритъ: «знаю, говоритъ, твою мать.» Тотчасъ она его накормила; онъ ей такъ понравился; обручились кольцами. Утро приходитъ; она его проводила; сказала чтобъ онъ шелъ къ средней сестрѣ. Онъ пошелъ.

Шелъ, шелъ, подходитъ, видитъ домъ съ золотой крышей; у воротъ восемь львовъ привязано; у нихъ корыто и ведро. Эти львы такъ *шибко* на него заревѣли. Онъ имъ принесъ воды; они его пропустили на дворъ. Входитъ въ комнату: сидитъ еще лучше дѣвица. «Что русскимъ духомъ пахнетъ? Кто смѣлъ войти въ мою комнату?» Глянула на него. «Ахъ, говоритъ, добрый молодецъ, волею или нево-

лею?» Волею, говоритъ, своей охотою; у насъ вихорь мать унесъ.—«Знаю, говоритъ, я твою мать; съ ней вихорь живетъ; онъ ко мнѣ налетаетъ черезъ три года.»—Она тотчасъ накормила его. Такъ онъ ей понравился; взяла обручилась съ нимъ. Онъ думаетъ: «ихъ три сестры, а насъ три брата»; обручился. Поутру она его проводила. «Ступай говоритъ, къ младшей сестрѣ; та тебѣ растолкуетъ, какъ къ матери взойдти.»

Шелъ, шелъ; приходитъ: у младшей домъ еще лучше; и воротъ десять львовъ привязано; у львовъ стоитъ корыто; на корытѣ ведро. Онъ хотѣлъ пройти; они такъ на него заревѣли. Онъ пошелъ, принесъ имъ воды, напоилъ ихъ. Они его пропустили. Входитъ онъ въ комнату: сидитъ дѣвушка, переметываетъ карты. «Что, говоритъ, русскимъ духомъ пахнетъ? Кто смѣлъ въ мою комнату войти? Ступай вонъ!»—Глянула. «Ахъ, говоритъ, добрый молодецъ, волею или не волею?»—Волею, говоритъ, своею охотою. Мою мать вихорь унесъ.—«Ахъ, говоритъ, знаю твою мать. Вихорь ко мнѣ налетаетъ каждый мѣсяцъ; онъ съ твоей матерью живетъ въ одномъ домѣ.»—Вотъ эта дѣвушка понравилась ему (Василью царевичу) больше всѣхъ; взялъ съ ней обручился. Думаетъ: эта младшая мнѣ; а тѣ сестры братьямъ; приходитъ утро; она его провожаетъ. «Ну, говоритъ, добрый молодецъ, если ты взойдешь, у твоей матери домъ снаружи убранъ драгоценными камнями, и вихря дома не будетъ, то ты счастливъ; а если онъ будетъ дома, онъ тебя пополамъ разорветъ.» Вотъ пошелъ онъ.

Приходитъ; львы стоятъ и не оглянулись. И воды не давалъ, прошелъ. Взошелъ въ комнату; сидитъ его мать; затопала ногами. «Что русскимъ духомъ пахнетъ? Кто могъ взойдти? Вонъ, вонъ, вонъ!»—Онъ ей отвѣчаетъ: сударыня матушка, я вашъ сынъ!—«Вонъ, вонъ! Какой ты мнѣ сынъ?»—

Матушка сударыня! я вашъ сынъ.—Упалъ предъ нею на колѣни, она спрашиваетъ его: который же ты мнѣ сынъ?—«Младшій Василій царевичъ.»—У младшаго, говорить, моего сына была примѣта: родимое пятнышко на правой груди.—Онъ сейчасъ раздѣлся и показалъ ей родимое пятнышко. Она сейчасъ его накормила, въ дальнія комнаты *схоронила* и подушками заложила, чтобъ вихорь не скоро его нашелъ. И научила его: если вихорь придетъ, будетъ браниться, ты не выходи, а если будетъ разговаривать, выйди, скажи: «здравствуйте, батюшка!» и ухвати его за правую руку за одинъ правый мизинецъ, и куда онъ полетитъ туда и ты.

Вотъ прилетѣлъ вихорь. «Кто, говорить, у тебя смѣлъ быть? Что русскимъ духомъ пахнетъ?» У меня, говорить, нѣмого не было; ты по руси леталъ, русскаго духу нанюхался.—Онъ съ ней ужасно рассорился. Съли они за обѣдъ, она ему и говорить: ко мнѣ сынъ пришелъ! Въ это время сынъ выходитъ. «Здравствуйте, говорить, батюшка!» И беретъ его за правую руку за правый мизинецъ: куда вихорь, туда и онъ; вихорь по комнатамъ, и онъ по комнатамъ; вихорь на дворъ, и онъ на дворъ. Вихорь взвился къ верху, ударился о полъ, расшибся и сдѣлался мелкимъ желтымъ пескомъ,—а мизинецъ остался у Василя царевича. Вотъ Василій царевичъ этотъ песокъ сгребъ и въ печкѣ сжегъ.

Потомъ сейчасъ стали съ своей матерью собираться въ свое царство. Ей было такъ жалко бросить домъ: очень былъ дорогъ и хорошъ. Вотъ Василій царевичъ взялъ перекинулъ этотъ пальчикъ съ руки на руку явились два молодца передъ нимъ. «Что вамъ угодно?» говорятъ. Онъ этимъ молодцамъ говорить: мнѣ только и угодно, чтобъ этотъ домъ собрать въ яичную скорлупу. Они тотчасъ собрали этотъ домъ въ яичную скорлупку и пошли. Зашли за млад-

шей сестрой. Взялъ ее съ собой, опять перекинулъ пальчикъ, явились два молодца, спрашиваютъ: чего угодно? И этотъ домъ собрали въ яичную скорлупку; подали. Потомъ Василий царевичъ зашелъ за средней сестрой и эту взялъ. «Собирайся», говоритъ. И ея домъ собрали, взяли, зашли къ старшей сестрѣ; и у ней то же. Пошли всѣ вмѣстѣ.

Приходитъ Василий царевичъ къ *этой* (той) горѣ, гдѣ своихъ братьевъ оставилъ. Вотъ онъ и говоритъ имъ: «передайте канаты.» Передали. Вотъ онъ сперва мать спустилъ; потомъ самую старшую сестру. Тѣ братья подрались въ ту же минуту. Одинъ *шумитъ* (кричитъ): «это моя невѣста», другой, что «это моя невѣста.»—Не шумите, говоритъ; тамъ еще есть. — Вотъ Василий царевичъ среднюю сестру спустилъ. Братья опять подрались. Намонецъ спустилъ самую младшую. Братья сейчасъ канатъ перерѣзали. Василий царевичъ и остался одинъ на высокой горѣ. Некуда ему дѣваться. Подумалъ, подумалъ, и воротился назадъ.

Пришелъ на то мѣсто, гдѣ былъ старшей сестры домъ; перекинулъ съ руки на руку пальчикъ. Стоять два молодца. «Что вамъ, говорятъ, Василий царевичъ, угодно?»—Онъ вынимаетъ яичко. «Вотъ изъ этого яичка сдѣлайте домъ какъ онъ былъ прежде.» Они тотчасъ сдѣлали ему домъ, какъ былъ прежде. Сдѣлалось ему скучно; сталъ онъ отъ скуки переметывать карты. Потомъ легъ спать и думаетъ: «зачѣмъ я воротился? Вѣдь, эти молодцы могутъ меня доставить въ мое царство. Поутру просыпается; съ руки на руку перекинулъ пальчикъ; и отвѣчаютъ ему молодцы: «что вамъ, Василий царевичъ, угодно?» Онъ имъ отвѣчалъ: «собрать этотъ домъ въ яичную скорлупу и меня доставить въ мое царство.— Они тотчасъ собрали его домъ и въ четверть часа доставили его въ его царство.

Приѣхалъ онъ въ свое царство; сдѣлалъ изъ яичка

самой младшей сестры дворецъ и сталъ жить одинъ. А эти же три сестры не могли безъ Василия царевича идти ни мужъ; «потому что онъ бы насъ распредѣлялъ: кому за кого идти.» У этихъ у сестеръ ничего не стало: ни платьевъ, ни башмаковъ. Василий царевичъ перекинулъ пальникъ съ руки на руку; стоятъ два молодца. «Что вамъ угодно?»—Подите, говорить, во дворецъ царевны вамъ закажутъ башмаки; только смотрите, мѣрокъ не берите.—Вотъ они сходили; царевны заказали башмаки. Въ одну ночь эти башмаки (на трехъ сестеръ по двѣ пары) были готовы. Василий царевичъ просыпается: башмаки готовы, да безъ его приназанья не могли отнести. Царевны и думаютъ: «должно быть это Василий царевичъ.» Приносятъ башмаки; они и спрашиваютъ: какъ вашего хозяина зовутъ? «Мы не знаемъ, какъ его фамилія и какъ по батюшкѣ; а зовутъ его Василий.» Онѣ догадались и пошли съ этими молодцами на квартиру, гдѣ хозяинъ ихъ живетъ. «Ахъ, говорятъ, Василий царевичъ! прѣзжай во дворецъ.» А онъ сердился на братьевъ, не хотѣлъ. Наконецъ они его упросили. Василий царевичъ пришелъ во дворецъ; старшую сестру отдалъ за старшаго брата; среднюю за средняго; а на младшей самъ женился. Отдалъ каждой ея домъ; стали жить да поживать.

(Записана мной въ г. Рязани).

83.

ДИТЯ—ВОЛШЕБНИКЪ.

Жилъ былъ царь; у него были сынъ и дочь. Вотъ онъ состарѣлся и говорить сыну: «любезный сынъ! Я скоро умру, то царствуй также какъ и я царствовалъ. Вздумаешь жениться, вотъ тебѣ перстень, по нему выбирай себѣ жену. А если не выберешь по этому перстню, то и не женись.» Похоронивши (онъ) отца, поѣхалъ искать себѣ не-